

Образ врага в межличностном общении

В.А. ЛАБУНСКАЯ

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии Южного федерального университета

В статье излагаются результаты исследования, посвященного выявлению особенностей конструирования образа врага в межличностном общении. Показано, что образ врага имеет устойчивое «ядро», что сочетание социально-психологических отношений, вошедших в «ядро» и «периферию» образа, отражает главную особенность образа врага: взаимность знака, модальности отношений субъекта представлений о враге и отношений к нему врага. Социально-психологические отношения, вошедшие в образ врага-мужчины и образ врага-женщины, свидетельствуют, что идентификация Другого в качестве врага осуществляется на основе устойчивого комплекса отношений.

Ключевые слова: *враг, образ врага, социально-психологические отношения, гендерные различия образа врага.*

К постановке проблемы исследования

Для современного общества остается актуальной проблема формирования образа врага. Междисциплинарный статус данной проблемы подчеркивается в культурологических, политологических, социологических, этнопсихологических работах. Изучение образа врага сопрягается с его исследованием как проблемы социальной и «ментальной» истории, как проблемы восприятия «чужого» в экстремальных ситуациях [13]. В гуманитарных науках уделяется особое внимание классификации «врагов», поиску факторов, которые определяют содержание образа врага. Для ответа на вопрос об эволюции образа врага привлекаются архивные документы, результаты историко-социологических исследований, материалы агитационно-пропагандистских акций и историко-искусствоведческого анализа кинофильмов, художественной литературы и т. д. [3; 5; 7; 9; 11; 13; 19

и др.]. Характерным для гуманитарных наук, изучающих образ врага, является включение понятия «враг» в ситуации противостояния больших групп. Актуализация образа врага связывается с военными конфликтами, с идеологическими схемами определенных периодов общественного развития [2; 4; 10; 15; 17; 19 и др.]. В массовом сознании «враг» — это собирательный образ [3], который может быть персонифицированным и относиться к конкретной личности, а также может быть связан с этнической группой, государством, с обществом [5, с. 4]. Но как бы, с точки зрения Л. Гудкова, «ни различались те или иные виды образов “врагов”, их главная функция — нести представления о том, что является *угрозой самому существованию группы...*, ее базовым ценностям... . Этим “враг” отличается от других ... — “чужого”, “постороннего” или “маргинала» [5, с. 13–14]. В общепсихологическом плане данный вывод подтверждает исследование В.В. Знако-

ва, в котором отмечается, что лежащий в основе понимания террориста образ врага внушает страх и «актуализирует мысли о собственной смерти» [4, с. 32].

В результате междисциплинарных исследований образа врага отчетливо проявляется социально-психологическая природа данного феномена. Формирование образа врага происходит в контексте реальных или символических взаимодействий, отличающихся сочетанием определенных видов отношений. Например, возникает взаимная гиперболизация «злостных намерений», появляется «заколдованный круг враждебности» [2], усиливается взаимная эскалация *enmification* [17; 18]. Враг как с точки зрения одной стороны, так и другой «всегда силен, многочислен, жесток и коварен, зачастую глуп и обязательно некрасив» [13, с. 7]. Он — чужак, агрессор, причиняет физическую и душевную боль, безжалостный и преступный [10]. Социально-психологическая природа образа врага заключается также и в том, что данный образ формируется на пересечении различных видов опыта взаимодействия, базируется на стереотипах, предрассудках, негативной идентификации, подвержен сильнейшему влиянию СМИ, использующем механизм когнитивного диссонанса. В большинстве работ утверждается, что образ врага выполняет в межгрупповом взаимодействии функции поддержания социального объекта и дифференциации Чужих и Своих. Авторы работ едины в том, что врагами становятся те, кто обостряет чувство опасности, угрожает самому существованию индивида, группы. Дегуманизация врага становится одним из главных принципов формирования его образа.

Не менее важной составляющей образа врага, выявленной в процессе изучения межгрупповых отношений, является оценка, описание, изображение его внешнего облика. Враг наделяется уродливыми, звериными чертами внешнего облика [15; 16], он «рядится в женское платье», которое лишает его героизма, снижает его маскулинный статус, подчеркивает негативный спектр фемининных характеристик [10], его экспрессивное поведение маскирует истинные чувства [8]. О.В. Рябов [11] отмечает, что гендерные маркеры способствуют отделению Своих от Чужих, кроме этого в гендерных дискурсах Свой определяется как норма, а Чужой как девиация. Гендерная метафоризация, по мнению О.В. Рябова, приводит к усилению тенденции маскулинизации Своих и феминизации Чужих, поэтому враги изображаются слабыми и комичными, они наделяются «девиантными» для их группы характеристиками, то есть рядом фемининных признаков, которые входят в гендерные стереотипы. Образы мужественности, женственности и их принципиальное несоответствие воспринимаются как Своими, так и Чужими, в качестве естественных маркеров в ситуации враждебных отношений. Следует отметить, что демаскулинизация врага является не единственным приемом в создании его образа. Учитывая, что враг наряду с чувством отвращения должен был также вызывать чувство опасности, он наделялся гипермаскулинностью. Роль гендерного дискурса в создании образа врага выражается также в дефеминизации женщин, которые принадлежат к общности, обозначенной как враг, либо в подчеркивании внешней красоты, используемой в «коварных целях» [12].

Таким образом, можно заключить, что образ врага интегрирует виды социально-психологических отношений, гендерные характеристики, сопряженные с ними и с внешним обликом врага. Данный вывод сделан на основе рассмотрения исследований образа врага, предпринятых не столько в социальной психологии, сколько в смежных с ней науках, обращающихся, прежде всего, к образу врага как к общественному феномену. Исследования, выполненные в рамках вышеобозначенных наук, в большей мере указывают на содержание обобщенных, групповых образов врага. В этих исследованиях, как и в самой социальной психологии, практически не затрагивается вопрос о наличии/отсутствии врага как субъекта межличностного обыденного общения, разворачивающегося вне экстремальных ситуаций (война, террор и т. д.). Если социальная психология и обращается к понятиям «враг», «недруг», «неприятель», то, главным образом, в связи с изучением конфликтных, враждебных отношений, присоединяясь тем самым к направлениям исследований образов врага в политологии и социологии. Такой подход к использованию понятия «враг» является оправданным, но не достаточным, поскольку в социальной психологии конфликтных и враждебных отношений определение Другого как врага вытекает из самого факта противостояния. Иными словами, в этих работах не ставится вопрос, идентифицируют ли партнеры по общению другого участника взаимодействия как врага, каково содержание образов врага, каков социально-психологический статус врага в межличностных отношениях.

Перед социальной психологией встает задача изучения образа врага, кото-

рый формируется в пространстве межличностного обыденного общения, определения социально-психологических отношений, которые входят в структуру образа врага, обнаружение тенденций формирования образа врага, которые были выявлены в процессе рассмотрения вышеобозначенных исследований: дегуманизация, негативная система взаимоотношений, гиперболизация/минимизация маскулинности-фемининности, приписывание уродливо-прекрасных характеристик внешнего облика, а также поиска иных тенденций в формировании образа врага в контексте межличностного общения. Учитывая, что для социальной психологии актуально определение Другого в системе складывающихся отношений, мы исходим из того, что Другой, отнесенный к категории «враг» в результате опыта межличностного общения, является «значимым другим». Как пишет М.Ю. Кондратьев [6], одной из форм метаиндивидуальной репрезентации «значимого другого», которая рассматривается в рамках трехфакторной модели, — это не только привлекательность, но и отторжение, неприязнь, враждебность, которую вызывает партнер по общению. Следовательно, в процессе идентификации Другого как врага в межличностном общении должны определяться не только негативные черты (агрессивность, безнравственность, неискренность), но и актуализироваться отношения-переживания, связанные с поведением врага (отторжение, неприязнь, враждебность и т. д.), выделяться, в первую очередь, социально-психологические отношения врага и отношения к нему. Такие отношения значимости, как «эмоциональное неприятие и даже прямая враждебность, характеризуют отно-

шение одного человека к другому, ... более значимому, чем те партнеры по взаимодействию и общению, к которым субъект испытывает откровенную симпатию или даже дружбу и любовь» [6, с. 23]. Значимые отношения такого типа появляются в связи с определенными действиями и поступками партнера. Как следует из работы В.Д. Альперович [1], тип поведения партнера, который рассматривается как значимое событие, усиливает ценностно-смысловые различия между субъектом представления и Другим, который получает статус врага, а «предательство» становится одним из основных критериев отнесения Другого к категории «враг» в межличностном общении. О наличии в структуре представлений о враге совокупности значимых отношений, указывающих на определенную модальность образа врага, его тип (противник; предатель; препятствующий человек; неприятный и лживый человек), свидетельствуют результаты исследования Д.Н. Тулиновой [14].

Вопросы заключаются в том, какие критерии выбирает человек с целью идентификации и категоризации Другого в качестве врага в процессе межличностного общения, в какой мере устойчивы эти образы по отношению к влиянию разнообразных внешних и внутренних факторов, какие переменные могут приводить к изменению критериев идентификации, следовательно, к трансформации образа врага в межличностном общении. В процессе идентификации Другого в качестве врага перед субъектом межличностного общения возникает весьма непростая задача признания самого наличия врагов в его жизни, отождествления «значимых других» с существующими у субъекта образами врага.

Программа эмпирического исследования

Таким образом, **цель работы** состояла в том, чтобы определить устойчивые социально-психологические отношения Другого и отношения к нему, входящие в образ врага, функционирующего в сфере межличностного общения. В исследовании проверялась **гипотеза** о наличии в структуре образа врага устойчивых социально-психологических отношений, совокупность которых выступает в качестве критериев идентификации Другого как врага. В качестве фактора, который мог бы изменить совокупность социально-психологических отношений, входящих в структуру образа врага, рассматривалось двухстороннее влияние гендерного фактора: гендер субъекта представлений и гендер врага. Иными словами, для выявления совокупности устойчивых социально-психологических отношений Другого и отношений к нему, входящих в образ врага, был использован прием «гендерной дифференциации образа врага».

Методика исследования

С целью определения социально-психологических отношений, входящих в структуру образа врага, была использована анкета «Идентификация Другого как врага в межличностном общении». Методика позволяет, во-первых, определить наличие или отсутствие в жизни участников исследования реальных врагов, их социальные роли, сферы общения, в которых они присутствуют; во-вторых, выявить содержание образов врага с помощью списка социально-пси-

хологических отношений, составленного в результате применения метода незавершенных предложений, а также данных, приведенных в вышеобозначенных работах [2; 3; 11; 16; 17], фиксирующих спектр отношений. Список включает формулировки социально-психологических отношений Другого («врага»), а также отношения к нему в той редакции, в которой они были представлены участниками исследования. Окончательный список идентификаторов врага был составлен совместно с Д.Н. Тулиновой [14] (табл. 1). Участники исследования должны были выбрать из списка те отношения, которые характеризуют их «врагов».

В исследовании приняли участие 300 человек: 200 взрослых женщин и 100 взрослых мужчин.

Процедура исследования

На первом этапе все участники исследования отвечали на вопрос: «Существуют ли в пространстве Вашего общения такие люди, которых Вы могли бы назвать «мой враг»?». В результате рассмотрения ответов было установлено, что около 70 % участников исследования отвечают на поставленный вопрос утвердительно. Они считают, что среди партнеров по взаимодействию имеются «враги», к которым принадлежат, чаще всего, бывшие друзья, подруги, коллеги по работе. Большую группу «врагов» составляют лица, которые отнесены к категории «знакомые». Данная группа появилась в результате опроса участников исследования. Ответы на уточняющий вопрос: «Кем являются в межличностном общении “знакомые”, которых вы считаете «врагами?» показали,

что «знакомые» — это также бывшие приятели, коллеги, одноклассники, соседи и т. д. Остальные 30 % участников исследования заявили о том, что в пространстве их общения отсутствуют «враги», но есть «неприятели». В ответ на уточняющий вопрос: «Какими особенностями взаимодействия обладают “неприятели?»», они, буквально все, заявили о том, что это люди, враждебно настроенные к ним. Исходя из этих ответов, мы посчитали возможным объединить в единую выборку тех, кто однозначно признает наличие в пространстве их общения «врагов», и тех, которые считают, что у них есть «неприятели».

Таким образом, на первом этапе мы установили, что у участников исследования имеются «враги», следовательно, у них есть опыт враждебных отношений, что «враги» — это «значимые другие», с которыми были достаточно длительные и близкие отношения, что у наших респондентов «образы врагов» имеют реальные прототипы. Эти данные позволили перейти ко второму этапу исследования, собственно, к изучению социально-психологических отношений, которые входят в образ врага. **На втором этапе исследования** проводилось три опроса. В процессе первого опроса участники исследования выбирали из предлагаемого списка те социально-психологические отношения, которые входят в их образ врага независимо от его пола. В ходе второго опроса респонденты должны были в предлагаемом перечне социально-психологических отношений отметить те, которые, по их мнению, соответствуют образу врага — женщины, а в ситуации третьего опроса выбрать социально-психологические отношения, которые входят в структуру образа врага — мужчины.

С целью анализа полученных данных использовались качественно-количественные методы обработки данных: частотный анализ, процедура квантирования, качественное сравнение недифференцированного на основе пола образа врага с образами врага — мужчины и врага — женщины.

Результаты исследования и их интерпретация

С помощью процедуры квантирования частоты выборов социально-психологических отношений, вошедших в образ врага, были сконструированы: недиффе-

ренцированный на основе пола образ врага; образ врага-мужчины; образ врага-женщины. В соответствии с распределением частот выбора социально-психологических отношений, соответствующих образу врага, были обозначены «ядро» образа врага, «периферия» и те социально-психологические отношения, которые по частоте выбора занимают промежуточное место между «ядром» и «периферией» (табл. 1).

Из данных, приведенных в табл. 1, следует, что социально-психологические отношения, вошедшие в «ядро» образа врага, являются устойчивыми. Система отношений, входящая в «ядро» образа, независимо от того, кто выступает в роли «врага», — мужчина или женщина, остается по-

Таблица 1
Социально-психологические отношения в структуре образа врага

Структура образа врага	Социально-психологические отношения		
	недифференцированный по полу образ врага	образ врага-мужчины	образ врага-женщины
«Ядро» образа врага	Человек, от которого исходит опасность.	Человек, от которого исходит опасность.	Человек, от которого исходит опасность.
	Человек, причинивший Мне вред или нанесший Мне какой-либо ущерб.	Человек, причинивший Мне вред или нанесший Мне какой-либо ущерб.	Человек, причинивший Мне вред или нанесший Мне какой-либо ущерб.
	Человек, который оскорбил или унизил Меня.	Человек, который оскорбил или унизил Меня.	Человек, который оскорбил или унизил Меня.
	Человек, который клеветает на Меня, распространяет обо мне сплетни.		Человек, который клеветает на Меня, распространяет обо мне сплетни.
	Человек, который агрессивно ведет себя по отношению ко Мне.	Человек, который агрессивно ведет себя по отношению ко Мне.	Человек, который агрессивно ведет себя по отношению ко Мне.
	Человек, который ненавидит Меня.	Человек, который ненавидит Меня.	Человек, который ненавидит Меня.
	Человек, который недоброжелательно относится ко Мне.	Человек, который недоброжелательно относится ко Мне.	Человек, который недоброжелательно относится ко Мне.
	Человек, которому Я не доверяю.		Человек, которому Я не доверяю.
	Человек, которого Я ненавижу.	Человек, которого Я ненавижу.	Человек, которого Я ненавижу.

Социально-психологические отношения, располагающиеся между «ядром» и «периферией» образа врага	Человек, к которому Я недоброжелательно отношусь.	Человек, к которому Я недоброжелательно отношусь.	Человек, к которому Я недоброжелательно отношусь.
	Человек, которому Я несимпатичен.		
	Человек, который Мне несимпатичен.	Человек, который Мне несимпатичен.	Человек, который Мне несимпатичен.
	Человек, с которым Я вынужден (а) вести себя агрессивно.	Человек, с которым Я вынужден вести себя агрессивно.	Человек, с которым Я вынужден вести себя агрессивно.
	Человек, которого Я не понимаю.		Человек, которого Я не понимаю.
	Человек, которого Я чувствую «чужим».		
	Человек, который не любит общаться со Мной.		
		Человек, которому Я не доверяю.	
		Человек, который клеветает на Меня, распространяет обо мне сплетни.	
		Человек, с которым Я не люблю общаться.	Человек, с которым Я не люблю общаться.
«Периферия» образа врага	Человек, который не понимает Меня.	Человек, который не понимает Меня.	Человек, который не понимает Меня.
	Человек, которому, по крайней мере, в мыслях Мне хотелось бы причинить вред.	Человек, которому, по крайней мере, в мыслях Мне хотелось бы причинить вред.	Человек, которому, по крайней мере, в мыслях Мне хотелось бы причинить вред.
	Человек, который завидует Мне.	Человек, который завидует Мне.	Человек, который завидует Мне.
	Человек, который считает Меня опасным.	Человек, который считает Меня опасным.	Человек, который считает Меня опасным.
	Человек, который воспринимает Меня как «чужого».	Человек, который воспринимает Меня как «чужого».	Человек, который воспринимает Меня как «чужого».
	Человек, которого Я считаю своим противником.	Человек, которого Я считаю своим противником.	Человек, которого Я считаю своим противником.
	Человек, которого хочется оскорблять и унижать.	Человек, которого хочется оскорблять и унижать.	Человек, которого хочется оскорблять и унижать.
	Человек, о котором Я не могу не удержаться, чтобы не посплетничать.	Человек, о котором Я не могу не удержаться, чтобы не посплетничать.	Человек, о котором Я не могу не удержаться, чтобы не посплетничать.
	Человек, которому Я завидую.	Человек, которому Я завидую.	Человек, которому Я завидую.

		Человек, которому Я несимпатичен.	Человек, которому Я несимпатичен.
		Человек, которого Я не понимаю.	
		Человек, которого Я чувствую «чужим».	Человек, которого Я чувствую «чужим».
		Человек, который не любит общаться со Мной	

стояннй. Она характеризует «врага» как человека, от которого исходит опасность, как человека, причинившего вред или нанесшего какой-либо ущерб, как человека, который относится недоброжелательно, с ненавистью и агрессивно, оскорбляет и унижает. Одновременно, враг — это человек, которому не доверяют и к которому относятся с ненавистью.

В «ядре» образа врага существенно преобладают социально-психологические отношения, которые демонстрирует «враг» к тому человеку, который отнес его к данной категории партнеров. Отношения к Другому, отнесенному к категории «враг», преобладают в подструктуре образа врага, которая занимает место между «ядром» и «периферией» образа (я недоброжелательно отношусь, вынужден вести себя агрессивно, считаю этого человека чужим, он мне не симпатичен).

«Периферия» образа врага включает как отношения к субъекту представления о враге (не понимающий меня, не доверяющий, завидующий, считающий меня опасным, «чужим»), так и его отношения к «врагу», которого хочется оскорблять и унижать, сплетничать по поводу него. Враг — человек, который вызывает зависть, он — противник.

Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее жесткое, враждебное, безнравственное отношение к «врагу», зафиксированное в стремлении субъекта представлений унижать, оскорблять,

сплетничать, включают в образ врага только 25 % участников исследования. Большинство участников исследования относятся к врагу с непониманием, недоверием, не испытывают к нему чувство симпатии, то есть «враг» у них вызывает признанные в обществе негативные отношения, но их нельзя отнести к безнравственным, разрушительным, опасным. Враг-мужчина и враг-женщина — это опасные люди, которые разрушают субъекта представлений, но он, несмотря на все причиняемое зло, если и проявляет ненависть к такому человеку, то склонен фиксировать, скорее, недоброжелательное отношение, подчеркивать непринятие такого человека. Эти данные еще раз подтверждают выводы, что в ситуации враждебных отношений человек склонен приписывать «врагу» более жесткую систему отношений, чем самому себе, делать другого более ответственным за возникновение враждебных отношений, чем самого себя.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу о наличии в структуре образа врага устойчивых социально-психологических отношений, совокупность которых выступает в качестве критериев идентификации Другого как врага, проанализируем двухстороннее влияние гендерного фактора: гендер субъекта представлений и гендер врага. В таблице 2 приведены социально-психологические отношения, которые вошли в структуру образа врага («ядро» образа).

Влияние гендера субъекта и гендера врага на образы врага

Образы врага-мужчины и врага-женщины у мужчин и женщин			
образ врага-женщины у респондентов женского пола	образ врага-женщины у респондентов мужского пола	образ врага-мужчины у респондентов мужского пола	образ врага-мужчины у респондентов женского пола
Человек, которому Я не доверяю.		Человек, которому Я не доверяю.	
Человек, от которого исходит опасность.		Человек, от которого исходит опасность.	Человек, от которого исходит опасность.
	Человек, которого Я не понимаю.		
	Человек, которого Я ненавижу.	Человек, которого Я ненавижу.	
	Человек, который Мне неприятен.	Человек, который Мне неприятен.	
	Человек, который Мне несимпатичен.		
Человек, который клеветает на Меня, распространяет обо мне сплетни.			Человек, который клеветает на Меня, распространяет обо мне сплетни.
Человек, причинивший Мне вред или нанесший мне какой-либо ущерб.	Человек, причинивший Мне вред или нанесший мне какой-либо ущерб.	Человек, причинивший Мне вред или нанесший мне какой-либо ущерб.	Человек, причинивший Мне вред или нанесший мне какой-либо ущерб.
Человек, который недоброжелательно относится ко Мне.	Человек, который недоброжелательно относится ко Мне.	Человек, который недоброжелательно относится ко Мне.	Человек, который недоброжелательно относится ко Мне.
Человек, который ненавидит Меня.	Человек, который ненавидит Меня.	Человек, который ненавидит Меня.	Человек, который ненавидит Меня.
Человек, который агрессивно ведет себя по отношению ко Мне.	Человек, который агрессивно ведет себя по отношению ко Мне.	Человек, который агрессивно ведет себя по отношению ко Мне.	Человек, который агрессивно ведет себя по отношению ко Мне.
Человек, который оскорбил или унизил Меня.	Человек, который оскорбил или унизил Меня.	Человек, который оскорбил или унизил Меня.	Человек, который оскорбил или унизил Меня.

Из приведенных в табл. 2 данных можно сделать ряд выводов. Прежде всего, необходимо отметить, что пол субъекта представлений не повлиял существенно на «ядро» образа врага. Независимо от пола субъекта представлений и пола врага у 75 % участников исследования образы включают социально-психологические отношения,

которые мы описали выше и указали на их устойчивость. Во-вторых, у большинства мужчин враг-женщина, несмотря на наличие у нее комплекса негативных отношений к мужчине, не вызывает чувство опасности, иными словами, образ мужчин (75 %) врага-женщины не включает такую обобщающую характеристику, как опас-

ность, исходящая от человека. У мужчин — участников исследования чувство опасности связано только с мужчиной-врагом. Мужчины — участники исследования значимо чаще включают в образ врага-женщины такой вид своего отношения к ней, как непонимание, подчеркивают, что такая женщина им неприятна и несимпатична. В-третьих, женщины — субъекты представлений значимо чаще включают в «ядро» образа врага как мужчины, так и женщины такой вид отношений, как клевета и распространение о них сплетен. В отличие от мужчин женщины считают опасными как врага-женщину, так и врага-мужчину. Особенным является также и то, что отношение недоверия со стороны субъекта представлений к врагу значимо чаще встречается в ситуации совпадения пола субъекта представлений и пола врага. Иными словами, женщины испытывают недоверие к женщинам, а мужчины к мужчинам, если они отнесены к категории «враг».

Заключение

Образ врага включает совокупность социально-психологических отношений, отражающих отношение к «врагу» и отношения «врага» к субъекту представлений, но эту систему отношений нельзя определить как взаимоотношения, развивающиеся в одном направлении по знаку, модальности, интенсивности проявления негативного спектра отношений. Система отношений, включенная в образ врага, может быть названа асимметричной системой взаимоотношений. В то же время, если обратиться к списку приведенных выше социально-психологических отношений, входящих в различные подструктуры образа врага, нетрудно заметить, что участниками исследования выстраивается непротиворечивая система взаимоотношений. Образ врага фиксирует

«признание взаимной опасности», «взаимотчуждение», «взаиморазрушение», «взаимную агрессию и ненависть», «взаимозавидование», «взаимное непонимание и недоверие», «взаимное нежелание общаться».

Связность социально-психологических отношений, вошедших в образ врага (будь то мужчина или женщина), свидетельствует, что идентификация Другого в качестве врага осуществляется на основе «неразложимого» устойчивого комплекса отношений. Для того чтобы считать другого человека врагом, он должен и вредить, и оскорблять, и унижать, и клеветать, и быть агрессивным, и не скрывать ненависть, и вызывать чувство опасности. Этот комплекс социально-психологических отношений становится критерием идентификации Другого в качестве врага и входит в структуру образа врага независимо от его пола.

Образ врага конструируется партерами по межличностному общению в соответствии с выявленными в социологических и политологических работах закономерностями: «враг» демонизируется и дегуманизируется в большей мере, чем субъект представлений, включенный во враждебные отношения.

Сочетание пола субъекта представления и пола врага не ведет к тотальным изменениям структуры образа, а происходящие трансформации образа врага заключаются в привнесении определенных психологических нюансов, отражающих гендерные стереотипы. Акценты в мужских образах врага-мужчины и врага-женщины, а также акценты в женских образах врага-мужчины и врага-женщины свидетельствуют о влиянии на эти образы фемининности-маскулинности и указывают на то, что пол субъекта представлений обуславливает образ врага в большей степени, чем пол врага.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альперович В.Д. К проблеме трансформаций представлений о Враге и Друге в период взрослости // Северо-Кавказский психологический вестник. 2010. № 8/1.
2. Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага». М., 1994.
3. Гудков Л. Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М., 2005.
4. Знаков В.В. Образ врага как психологическое основание понимания мусульманских террористов россиянами // Вопросы психологии. 2012. № 2.
5. Козырев Г.И. «Враг» и «Образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. 2008. № 1.
6. Кондратьев М.Ю. «Значимый другой»: слагаемые межличностной значимости // Социальная психология и общество. 2011. № 2.
7. Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111.
8. Лабунская В.А. Внешний облик в структуре представлений о Враге и Друге на различных этапах жизненного пути // Психология человека в современном мире. М., 2009. Т. 1.
9. Мильчина В. Международная конференция «Взглянуть в лицо врагу: Образ врага в культуре XIX–XX века» (Университет Париж-Запад, Нантер, 24–25 ноября 2011 г.) // Новое литературное обозрение. 2012/6. № 118.
10. Подгорная В.В. Визуальный образ как средство пропаганды: советская печать первого периода Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2005. № 2.
11. Рябов О.В. Межкультурная интолерантность: гендерный аспект // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург, 2004.
12. Рябов. О.В. «Советский враг» в американском кинематографе Холодной войны: гендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2011. № 2.
13. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века (Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества). М., 2006.
14. Тулинова Д.Н. Представления о Враге и Друге в связи с отношением к жизни на различных этапах: Дисс. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2005.
15. Филиппова Т.А. «Враг с Востока» // Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012.
16. Якимович А.К. «Свой-чужой» в системах культуры // Вопросы философии. 2003. № 4.
17. Enemy Images: A Resource Manual on Reducing EnmityResponsibility / By Fabick S. for Psychologists for Social Responsibility. Washington, 2004.
18. Fabick S.D. Two Psychologically Based Conflict Resolution Programs: Enemy Images and US & THEM // Journ. for Social Action in Counseling and Psychology. 2007. V. 1. № 2.
19. Surzikova N.V. «Oxana Stuppo, Das Feindbild als zentrales Element der Kommunikation im Spatstalinismus », Cahiers du monde russe [En ligne], 48/4 | 2007, mis en ligne le 28 decembre 2009, Consulte le 07 juin 2013. URL : <http://monderusse.revues.org/6095>

Image of Enemy in Interpersonal Communication

V.A. LABUNSKAYA

*Doctor in Psychology, professor, head of the Chair of Social Psychology,
Sothern Federal University*

The paper presents results of a research on the construction of the image of the enemy in interpersonal communication. As it is described, this image has a stable 'core', and the combination of social psychological relationships embraced in the 'core' and 'periphery' reflects the main feature of the image of the enemy: that is, the reciprocity of the character, of the modality of the attitudes between the individual and the enemy. Social psychological relationships comprised in the images of the male enemy and female enemy give evidence that one's identification of the Other as the enemy is carried out upon a stable set of attitudes.

Keywords: *enemy, image of enemy, social psychological relationships, gender differences in image of enemy.*

REFERENCES

1. Al'perovich V.D. K probleme transformacii predstavlenii o Vrage i Druge v period vzroslosti // Severo-Kavkazskii psihologicheskii vestnik. 2010. № 8/1.
2. Gasanov I.B. Nacional'nye stereotipy i "obraz vraga". M., 1994.
3. Gudkov L. Ideologema vraga. "Vragi" kak massovyi sindrom i mehanizm sociokul'turnoi integracii // Obraz vraga. M., 2005.
4. Znakov V.V. Obraz vraga kak psihologicheskoe osnovanie ponimaniya musul'manskih terroristov rossiyanami // Voprosy psihologii. 2012. № 2.
5. Kozyrev G.I. "Vrag" i "Obraz vraga" v obshestvennyh i politicheskikh otnosheniyah // Sociologicheskie issledovaniya. 2008. № 1.
6. Kondrat'ev M.Yu. "Znachimyi drugoi": slagaemye mezhlichnostnoi znachimosti // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2011. № 2.
7. Korobkova O.S. Markery yazyka vrazhdy v nominaciyah etnicheskoi prinadlezhnosti: sociolingvisticheskii aspekt // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009. № 111.
8. Labunskaya V.A. Vneshnii oblik v strukture predstavlenii o Vrage i Druge na razlichnyh etapah zhiznennogo puti // Psihologiya cheloveka v sovremennom mire. M., 2009. T. 1.
9. Mil'china V. Mezhdunarodnaya konferenciya "Vzgljanut' v lico vragu: Obraz vraga v kul'ture XIX–XX veka" (Universitet Parizh-Zapad, Nanter, 24–25 noyabrya 2011 g.) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012/6. № 118.
10. Podgornaya V.V. Vizual'nyi obraz kak sredstvo propagandy: sovetskaya pechat' pervogo perioda Grazhdanskoj voyny v Ispanii 1936–1939 gg. // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2005. № 2.
11. Ryabov O.V. Mezhkul'turnaya intolerantnost': gendernyi aspekt // Kul'turnye praktiki tolerantnosti v rechevoi kommunikacii. Ekaterinburg, 2004.

12. *Ryabov O.V.* "Sovetskii vrag" v amerikanskom kinematografe Holodnoi voiny: gendernoe izmerenie // *Zhenshina v rossiiskom obshestve*. 2011. № 2.
13. *Senyavskaya E.S.* Protivniki Rossii v voinah XX veka (Evolyuciya "obraza vraga" v soznanii armii i obshestva). M., 2006.
14. *Tulinova D.N.* Predstavleniya o Vrage i Druge v svyazi s otnosheniem k zhizni na razlichnykh etapah: Diss. ... kand. psihol. nauk. Rostov n/D, 2005.
15. *Filippova T.A.* "Vrag s Vostoka" // *Obrazy i ritorika vrazhdy v russkoi satiricheskoi zhurnalistike nachala XX veka*. M., 2012.
16. *Yakimovich A.K.* "Svoi-chuzhoi" v sistemah kul'tury // *Voprosy filosofii*. 2003. № 4.
17. *Enemy Images: A Resource Manual on Reducing Enmity Responsibility /By Fabick S. for Psychologists for Social Responsibility*. Washington, 2004.
18. *Fabick S.D.* Two Psychologically Based Conflict Resolution Programs: Enemy Images and US & THEM // *Journ. for Social Action in Counseling and Psychology*. 2007. V. 1. № 2.
19. *Surzikova N.V.* «Oxana Stuppo, Das Feindbild als zentrales Element der Kommunikation im Spatstalinismus», *Cahiers du monde russe [En ligne]*, 48/4 | 2007, mis en ligne le 28 decembre 2009, Consulte le 07 juin 2013. URL : <http://monderusse.revues.org/6095>